

Е. К. Ковалева
Днепропетровск

«ИСПОВЕДЬ» Ж.-Ж. РУССО КАК ВТОРИЧНЫЙ РЕЧЕВОЙ ЖАНР

На матеріалі «Сповіді» Ж.-Ж. Руссо спостерігаються шляхи трансформації первинного жанру сповіді у вторинний жанр – у літературну сповідь. Руссо полемізує з первинним мовленнєвим жанром сповіді, це проявляється у формальному способі каяття героя. Такі сповідальні мотиви замінюються самовиправдовуванням та декларуванням права людини на особистісну індивідуальність, права говорити публічно про своє «я». В руслі ідеї контамінації жанрів «Сповідь» постає як сповідальна автобіографія, в якій значну роль відіграє переосмислення первинного мовленнєвого жанру сповіді.

Ключові слова: сповідь, сповідальність, мовленнєвий жанр.

На материале «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо прослеживаются пути трансформации первичного жанра исповеди во вторичный жанр – в литературную исповедь. Уточняется жанровая природа «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо. Руссо полемизирует с первичным речевым жанром исповеди, что проявляется в формальном характере покаяния/раскаяния героя. Эти исповедальные мотивы заменяются самооправданием и провозглашением права человека на личностную индивидуальность, права говорить публично о своем «я». В русле идеи контаминации жанров «Исповедь» предстает как исповедальная автобиография, в которой существенную роль играет переосмысление первичного речевого жанра исповеди.

Ключевые слова: исповедь, исповедальность, речевой жанр.

Using Jean-Jacques Rousseau's "Confessions" analysis the article studies the ways of how the primary genre of confessions is transformed in secondary genre of literary confessions. Theoretical background of the studies is the theory of discursive genres by M. M. Bakhtin, as well as confessions criterions discriminated by O.D. Stepanov. Genre nature of Rousseau's "Confessions" is emphasized. In Rousseau's work the discursive genre of Confessions has powerful position related to conscious self-nudification, self-liberation of guiltiness, maximum conjunction with supposed consignee. Rousseau is actualizing the contamination of congenial genres: confessions and autobiography. Although the "Confessions" are often defined as autobiography there is a purpose to study autobiography genre in its connections to the genre of confessions. According to the idea of genre's contamination "Confessions" are defined as confessional autobiography. An important role in it plays the transvaluation of "initial" discursive genre of confessions.

Keywords: confession, confessionality, discursive genre.

В исследованиях об автобиографических литературных произведениях «Исповедь» Руссо неизменно рассматривается как парадигма жанра. Более того, начало истории автобиографии зачастую и поныне датируют (как, к примеру, Ф. Лежен) годом выхода в свет произведения Руссо. Категоричность подобных утверждений вызывает, с одной стороны, желание показать, что длительная предыстория жанра – объективный факт и заслуживает внимания как история становления и развития жанра автобиографии во взаимодействии в первую очередь с жанрами родственного ряда (жизнеописания, мемуары, портреты, эпистолярни). С другой стороны,

переоценка этической и эстетической значимости «Исповеди» Руссо привела к стремлению раскрыть негативные следствия претворения религиозного таинства в светский литературный жанр, где глубина покаяния перед Богом была заменена публичным самообнажением, сродни эксгибиционизму¹.

Дискуссии вокруг «Исповеди» Руссо, которые ведут философы, психологи, антропологи, а не только литературоведы, актуализируют обращение к данному феномену с попыткой рассмотреть его в русле концепции М.М. Бахтина о «первичных» и «вторичных» речевых жанрах. Это могло бы снять этическую напряжённость отношения к произведению Руссо как профанации религиозного таинства и позволило бы увидеть пути его трансформации в «литературный факт» (Ю.Н. Тынянов). Опора на теорию речевых жанров М.М. Бахтина также может способствовать уточнению жанрового облика «Исповеди» Руссо, где доминантой является автобиография.

Под речевыми жанрами М.М. Бахтин понимает «относительно устойчивые типы высказываний», имеющие своё тематическое содержание, стиль и композиционное построение, неразрывно связанные в целом высказывания и одинаково определяемые спецификой сферы общения (курсив М.М. Бахтина – *Е. К.*) [2, с. 159]². Несмотря на большое количество работ, в основном принадлежащих лингвистам³, общее определение речевого жанра всё ещё остаётся дискуссионным, но «ни у кого не вызывает сомнения существование и важность таких частотных жанров, как проповедь, исповедь, спор, жалоба, просьба, обвинение, свидетельство, урок и мн. др.» [8, с. 25]. К первичным жанрам можно отнести и документальную автобиографию. Отмечая то обстоятельство, что теория речевых жанров расположена сплошь на границах (она граничит с общей теорией дискурса, социо- и психолингвистикой, когнитивистикой, коллоквиалистикой, неориторикой, стилистикой, лингвистикой текста и т. д. – всеми дисциплинами коммуникативного цикла), А.Д. Степанов, сделавший много для интерпретации и уточнения бахтинской теории, подчеркивает, что М.М. Бахтин видел в теории речевых жанров «инструмент литературоведческого анализа» [8, с. 52], хотя признавал, что эта теория «лежит на границах лингвистики и литературоведения» [3, с. 236].

Задачи данной статьи – проследить пути трансформации первичного жанра исповеди во вторичный – литературную исповедь и уточнить жанровый облик «Исповеди» Руссо.

¹ Показательна в этом плане тема доклада заведующей кафедрой философской антропологии ЛГУ Т.В. Артемьевой на конференции: «Случай Руссо: исповедь или эксгибиционизм?» [1]. Концепция заявлена уже в самой формулировке доклада, учитывая, что участников дискуссии менее всего занимал литературный жанр исповеди.

² Автор не будет вторгаться в сферу дискуссий по поводу бахтинской теории речевых жанров, представленной в работе А.Д. Степанова [8, с. 23-57], пользуясь дефиницией Бахтина как рабочей.

³ Сб. Жанры речи. Вып. 1-3. - Саратов, 1997-2002; Дементьев В.В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике [4]; Долинин К.А. Проблема речевых жанров через 45 лет после статьи Бахтина [5].

А.Д. Степанов выделяет ряд характеристик первичного речевого жанра исповеди. Используя некоторые из них, постараемся показать пути их художественной реализации в «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо. По А.Д. Степанову, «исповедь предполагает сознательное намерение (выд. А.Д. Степановым – Е.К.) человека рассказать правду» [8, с. 269], отличаясь таким образом, от произвольного раскрытия своих чувств и мыслей. Для речевого жанра исповеди характерна «высокая степень экспликации речевого намерения» [6, с. 86]. У Руссо это реализуется в форме постоянных деклараций максимального самообнажения как на уровне предисловия, так и на уровне метатекстовых комментариев внутри повествования. «Я буду правдив, правдив без всяких оговорок, буду говорить все – и хорошее и дурное, одним словом – все» [7, с. 671], заявляет Руссо в Невшательском предисловии к «Исповеди». Интенция самораскрытия последовательно подчеркивается в ходе развития «рассказа о себе».

Исповедь как речевой жанр приносит целый ряд «освобождающих чувств» [8, с. 267]. В произведении Руссо «освобождение» связано с ощущением облегчения, снятия с себя морального груза и угрызений совести за неблагоприятные поступки. К таким поступкам Руссо относит ложное обвинение служанки Марион в краже ленты (этот эпизод «Исповеди» стал хрестоматийным), оставление больного господина Леметра на улице Лиона во время приступа эпилепсии. В обоих случаях героем декларируется признание собственной вины, раскаяние в содеянном, даже самоуничижение от сознания того, что сознательно причинил вред (или не оказал помощь) другому человеку. То есть можно наблюдать ряд генетических признаков, связывающих «Исповедь» с первичным речевым прототипом. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что наряду с раскаянием в повествовании проступает самообъяснение, затем переходящее в самооправдание. В происшествии с Марион Руссо называет поступок своего героя преступлением – ведь именно он украл ленту мадемуазель Понталь. Громкое, по-сентименталистски эмоциональное раскаяние сменяется психологическим анализом причин, побудивших не украсть (воровство, в общем-то, мелкое), но ложно обвинить другого. Выясняется, что больше, чем наказания, автобиографический герой боится стыда – стыда публично быть названным вором и клеветником. Со стыдом тесно переплетается «всепоглощающий» страх разоблачения, боязнь быть опозоренным и пасть в глазах окружающих. В итоге самообъяснение переходит в самооправдание, когда повествователь называет совершенный поступок слабостью и заявляет, что в юности слабость извинительна, а его поступок, «в сущности, не был ничем иным» [7, с. 81]. Как видим, в дискурсе Руссо исповедальное «освобождение» реализуется не только через признание в совершенном поступке, но и через психологическую автоинтерпретацию.

А.Д. Степанов говорит об оценочной (самоосуждающей) стороне исповеди, которая может быть многообразна по числу возможных моральных установок [8, с. 269]. В литературе исповедальность связана с «критикой уединенного сознания (выд. А.Д. Степановым – Е.К.), механизмов

самозащиты и изоляции» [8, с. 269]. У Руссо тема изоляции, одиночества репрезентирована через конфликт личности и общества. Это одна из ключевых тем «Исповеди» и следующих за ней «Диалогов: Руссо судит Жан-Жака» (1772–1776) и «Прогулок одинокого мечтателя» (1776–1778), относимых нами к исповедальной прозе писателя. Тема настолько сложная и болезненная, что Руссо возвращается к ней неоднократно в поисках новых форм аргументации своей правоты.

Автобиографический герой «Исповеди» изображен в соответствии с традицией сентиментализма – в его образе доминирует чувствительное начало. Герой Руссо оказывается не в состоянии согласовать свои душевные порывы с общественными требованиями, его нравственный выбор склоняется в сторону собственной индивидуальности. Среди причин разрыва с обществом (идеологических, политических, религиозных, личных) Руссо называет неразрешимые противоречия между своими природными особенностями и общепринятыми нормами. Тема одиночества трактуется как неизбежный результат противоречивых отношений героя с обществом, а не только как психологическая особенность. В «Исповеди» значительная часть текстового пространства, особенно во второй части, заполнена выяснением отношений с окружающими и стремлением доказать свою правоту. Руссо убежденно и последовательно отстаивает право личности на собственное мнение и мировоззрение. С темой одиночества переплетается мотив изгнания: за высказывание в своих публицистических работах провокативных морально-философских концепций герой последовательно высылается властями с территорий Франции, Швейцарии, Пруссии. Самоизображение Руссо во многом влияет на эстетику романтизма, для которой конфликт личность – общество, одиночество непонятого героя, изгнание – ключевые темы.

Для исповеди чрезвычайно важен близкий контакт между исповедующимся и слушателем, стремящийся к недостижимому идеалу «неопосредованности» [8, с. 269]. Это выражается в предельном сокращении коммуникативной дистанции. Как пишет о первичном жанре А.Д. Степанов, взгляд «глаза в глаза» и физическое соприкосновение – неперенный атрибут исповедального слова. «Исповедь – всегда шаг навстречу, сближение, максимальный контакт, что и проявляется в сокращении дистанции и встрече взглядов» [8, с. 270]. Руссо успешно применяет технологию сокращения дистанции как некоего предела человеческого общения. Начиная с предисловия, последовательно проводится стратегия непрерывного контакта-диалога с читателем. Важна именно непрерывность, неотступное сопровождение читателя во всех моментах повествования. Руссо использует прямые и косвенные обращения, форму воображаемого диалога, указания по прочтению собственного текста, даже разделяет читателей по гендерному признаку, отдельно обращаясь к женщинам. Разнообразны избираемые им интонации, от благожелательно-ироничной до требовательно-критичной. Среди адресатов в первую очередь выделены современники, вспомним о публичных чтениях «Исповеди» в парижских

салонах (впоследствии запрещенных полицией по настоянию мадам д'Эпине). Осознавая, что его имя, как и его произведения, дойдет до будущих поколений, Руссо ориентируется на возможные варианты рецепции. В настоящем и будущем он рассчитывает на «доброжелательного» читателя, способного воспринять духовный мир исповедующегося автобиографического героя, оценить его «чувствительность», стать на его сторону, принять его самообъяснения и самооправдания. При этом Руссо постоянно помнит о «враждебном» читателе, от точки зрения которого следует защищаться. Двойная направленность «Исповеди», позиция активного воздействия на читателя, навязывание ему собственного мнения создает особую эмоциональную насыщенность повествования, характерную для сентиментализма и предромантизма.

По А.Д. Степанову, исповедь «не требует завершенности (выд. А.Д. Степановым – *Е.К.*), это открытый текст» [8, с. 269]. Она демонстрирует жанровую близость к автобиографии, которая также оканчивается вместе с физическим существованием ее автора. Пока жив исповедующийся, возможно продолжение исповеди. Руссо осознает это постепенно, начиная с создания первых книг «Исповеди» в 1765 году и до окончания своей жизни. В финале второй части «Исповеди» он говорит о вероятности ее продолжения. Оно будет осуществлено, но в иных жанровых формах: в жанре диалога в «Диалогах: Руссо судит Жан-Жака» и в жанре дневника в «Прогулках одинокого мечтателя». Все три произведения объединены общими творческими интенциями автора – исповедальностью, самоанализом, самооправданием, самозащитой. Скрепляет их автобиографизм, одно и то же «я» как главный объект повествования.

«Исповедь» с ее принципиальной незавершенностью оказывается вписанной в корпус исповедальной прозы писателя. В трех произведениях Руссо репрезентирует и изучает свое «я», свои отношения с обществом, с окружающим враждебным миром. Повествующее «я» обладает внутренним единством, по сути, это одна и та же личность, изображенная в разные периоды своей жизни и с разных жанровых позиций. В каждом произведении основополагающими для него остаются искреннее стремление к исчерпывающему самопознанию, позиционирование себя как личности независимой от мнений окружающих, утверждение собственной правоты в конфликте с современниками и требование справедливой, в его представлении, оценки себя и своих работ широкой публикой и потомками. Такая структура художественной интерпретации личности представляет собой своеобразный переход от сентиментализма к предромантизму.

Как видим, речевой жанр исповеди в произведении Руссо имеет мощные позиции, связанные с сознательным самообнажением, освобождением от чувства вины, максимальным сближением с предполагаемым адресатом. Руссо актуализирует жанровую контаминацию исповеди и автобиографии. Основу «Исповеди» составляет жизнеописание, где внешние факты биографии сопровождаются биографией духовно-психологической. Саморефлексия героя-повествователя переходит в

исповедальное самообнажение со стремлением поведать читателю глубоко личные и часто нелицеприятные подробности своей жизни. Несмотря на заявленную в названии «Confessions» однозначную исповедальную установку, Руссо полемизирует с «первичным» речевым жанром исповеди, что проявляется в лишь формальном покаянии/раскаянии героя. Повсеместно эти исповедальные мотивы заменяются самооправданием и провозглашением права человека на личностную индивидуальность, права говорить публично о своем «я». В русле идеи контаминации жанров «Исповедь» можно определить как исповедальную автобиографию, в которой существенную роль играет переосмысление «первичного» речевого жанра исповеди.

Библиографические ссылки

1. Артемьева Т. В. Случай Руссо: Исповедь или эксгибиционизм? [Электронный ресурс] / Т.В. Артемьева // Режим доступа: http://antropology.ru/ru/texts/artemieva/confess_15.html
2. Бахтин М. М. Из архивных записей к “Проблеме речевых жанров”. Диалог I. Проблема диалогической речи / М.М. Бахтин // Бахтин М. М. Собр. соч. в 7 т.: Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М.: Русские словари, 1996. – С. 207–286.
3. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М.: Русские словари, 1996. – С. 159–206.
4. Дементьев В. В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике / В.В. Дементьев // Вопросы языкознания. – 1997. – №1. – С. 109–120.
5. Долинин К. А. Проблема речевых жанров через 45 лет после статьи Бахтина / К.А. Долинин // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. – СПб.: СПбГУ, 1998. – С. 35–46.
6. Орлова Н. В. Жанр и тема: об одном основании типологии / Н.В. Орлова // Жанры речи. Сборник научных статей. – Саратов: ГосУНЦ Колледж, 2002. – Вып. 3. – С. 83–92.
7. Руссо Ж.-Ж. Исповедь / Ж.-Ж. Руссо // Руссо Ж.-Ж. Избран. соч.: В 3 т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. Т. 3. – 727 с.
8. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова / А.Д. Степанов. – М.: Языки славянской культуры. – 2005. – 400 с.

Надійшла до редколегії 30 вересня 2014 р.